

В. И. Рагозин

**Волга Том 3. От Оки до
Камы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 91
ББК 26.8
В11

В11 **В. И. Рагозин**
Волга Том 3. От Оки до Камы / В. И. Рагозин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 521 с.

ISBN 978-5-458-30157-2

ISBN 978-5-458-30157-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВИКТОРЪ РАГОЗИНЪ

ВОЛГА

ОТЪ ОКИ ДО КАМЫ

ТОМЪ ~~ВТОРОЙ~~ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ ПРИДВОРНАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Г. ПИМИЦДОРФЪ (Р. ГАММЕРШМИДЪ)

О народахъ ПО СРЕДНЕЙ В ОЛГѢ.

Теперь посмотримъ, какъ заселились земли по средней Волгѣ, кому принадлежала Волга прежде и какъ она сдѣлалась русскою рѣкою.

Почти уже излишне говорить, что въ глубокой древности по среднему теченію Волги, (т. е. собственно первой части ея) жили народы Финскаго племени. Въ западной окраинѣ нынѣшней Нижегородской губерніи (въ Горбатовскомъ уѣздѣ) жили *Мещеряки*, въ восточной и за Волгой — *Черемисы*; а все остальное пространство занимала *Мордва*.

Намъ почти нечего сказать о Мещерякахъ, такъ какъ это народъ уже исчезнувшій или, правильнѣе сказать, претворившійся въ другія народности, именно въ Русскую и Татарскую. Названіе Мещеряковъ кое гдѣ уцѣлѣло, правда, но и только; сами люди, именуемые Мещеряками, ничѣмъ уже не отличаются отъ Русскихъ или Татаръ; развѣ только научный анализъ можетъ еще обнаружить въ нихъ не русскія черты лица, не русскую форму черепа.

Уцѣлѣли же Мордва и Черемисы, о которыхъ мы и скажемъ, чтобы съ одной стороны, судя по настоящему, хоть сколько нибудь можно было читателю возстановить въ своемъ воображеніи первобытный типъ поволжскихъ аборигеновъ; а съ другой—чтобы видѣть нѣсколько, что за

новые элементы вводитъ въ себя молодой Русскій народъ, ассимилируя Мордву, Черемись и народы, живущіе далѣе за ними.

I.

Мордва.

Впрочемъ, и о Мордвѣ можно сказать не многое въ цѣляхъ перваго рода: Мордва почти всюду идетъ быстрыми шагами къ обрусѣнію, что отчасти объясняется тѣмъ, что ей чуть не первой по средней Волгѣ пришлось столкнуться съ Русскимъ народомъ; ближе ея были Мещеряки, и, какъ мы сейчасъ видѣли, они уже окончательно слились съ народомъ Русскимъ. При первомъ взглядѣ на Мордвина его трудно или даже совсѣмъ нельзя отличить отъ Русскаго; развѣ только выдастъ тяжеловатый разговоръ его, такъ какъ Мордвинъ не владѣетъ въ совершенствѣ ни однимъ языкомъ; онъ, какъ замѣчаетъ Сбоевъ, по природѣ своей полиглоттъ и говоритъ на разныхъ языкахъ: съ своимъ братомъ мордвиномъ, онъ говоритъ по мордовски, съ женою, сыновьями и дочерьми по татарски, (въ Казанской губерніи), съ Русскими по русски, а съ Чувашами по чувашски. Живетъ онъ совершенно по русски и отличается отъ русскаго крестьянина только большею дѣятельностью и рьянымъ усердіемъ къ полевымъ работамъ. Отъ этого, между прочимъ, и матеріальныя средства его почти всегда обезпечены.

Одежда.

Мужская одежда Мордвы одинакова съ русскою, какъ объ этомъ писалъ еще Лепехинъ 100 л. тому назадъ; развѣ только обувь отличается нѣсколько, и то только въ томъ отношеніи, что у Мордвина и лапти прочнѣе, лучше и уютнѣе, и онучи почти всегда бѣлыя.

Но женщины оказываются консервативнѣе (если не патриотичнѣе) своихъ мужей: онѣ и говорятъ только по мордовски, по русски же очень плохо или даже совсѣмъ не умѣютъ, и одѣваются по своему: онѣ наприм. носятъ порты (*поиксы*), чего русскія женщины изъ простонародья, какъ извѣстно всякому, никогда не дѣлаютъ (и, кажется, объ этомъ можно пожалѣть); затѣмъ мордовки носятъ

бѣлую рубашку (*панарь*) довольно красиво вышитую разноцвѣтною бумагою, съ нашитыми (на груди и на плечахъ) и навѣшанными металлическими бляхами, серебряной мелкой монетою и ужовками (родъ мелкихъ раковинъ); края полъ обшиваютъ красною тесьмою; подпоясываются женщины очень низко краснымъ широкимъ поясомъ съ кистями *). Головной уборъ, вродѣ кокошника, у женщинъ низкій съ разными украшеніями; а у дѣвушекъ высокій, перевитый лентами и стеклярусомъ. Шею украшаютъ ожерельемъ (*карча*), къ которому прицѣпляется *каргаужна*, униженный старинными серебряными деньгами, разноцвѣтнымъ бисеромъ и ужовками; въ ушахъ носятъ серьги (*пилескъ*), отъ которыхъ идутъ еще подвѣски съ бисеромъ и другими украшеніями; подвѣски эти достигаютъ до плечъ и называются *пилескъ ергя*. Пальцы мордовки племени Ердзя украшаютъ перстнями и, какъ говоритъ Лепехинъ, онѣ такія щеголихи, что, которыя побогаче, ни одного пальца безъ перстня не оставляютъ; мало того: къ лучшимъ изъ перстней прикрѣпляютъ еще цѣпочки съ серебряными монетами, а нѣтъ серебряныхъ — хоть съ мѣдными.

Религію свою Мордва почти уже утратили и сдѣлались Религія Мордвы. довольно ревностными христіанами. Лѣтъ за 100 до того, какъ писалъ о Мордвѣ Лепехинъ, народъ этотъ сохранялъ еще свою религію; но въ 1681 году состоялся указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы Мордва «поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона крестилась *вслѣ*; а какъ она крестится, то ей во всякихъ податяхъ дано будетъ облегченіе на 6-ть лѣтъ; а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она отдана будетъ въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и Татарамъ». Однако и при Лепехинѣ оставались еще язычники. Онъ говоритъ о ихъ вѣрѣ, но заодно съ чувашскою, что съ одной стороны лишаетъ возможности отличить у него мордовское отъ чувашскаго, а съ другой показываетъ, что вѣра тѣхъ и другихъ была довольно сходна.

Замѣтимъ, что сходство это можно наблюсти и при срав-

*) Женщины умѣютъ сами ткать довольно красивыя бумажныя ленты на свою одежду; онѣ же сами умѣютъ прочно окрашивать шерстяную пряжу въ черный, зеленый и красный цвѣтъ; при этомъ даже и краску готовятъ сами изъ мѣстныхъ растений: зеленики, серпухи и жарены. (*Lycopod, complanat, Serratula tinct. et Galium aparine* или *G. Mollugo* и *G. verum*).

неніи религіи мордовской съ черемисскою. Въ нашихъ глазахъ почти несомнѣнно, что первобытный культъ Мордвы (Эрдзянь, Мокшанъ, Терюханъ) Муромы, Мещеры, Черемисы, Мери и Чувашъ, словомъ, цѣлой группы финскихъ народовъ, былъ совершенно одинъ и тотъ же, и притомъ это былъ—фетишизмъ въ самой грубой формѣ, принимавшій затѣмъ мало по малу болѣе облагороженныя формы политеизма путемъ отвлеченія идеи отъ предмета или цѣлой группы предметовъ и олицетворенія этой идеи въ духъ, божествъ. Даже можно замѣтить начатки болѣе широкаго отвлеченія и обобщенія (самостоятельнаго или при помощи заимствованій отъ другихъ народовъ), когда изъ сонма боговъ выдѣляются сначала нѣсколько наиболѣе сильныхъ, а потомъ одинъ сильнѣйшій; прочіе же низводятся въ положеніе второстепенныхъ божествъ, и даже еще ниже—просто въ прислужниковъ божествъ или въ положеніе безвреднѣйшихъ, часто бесполезныхъ, ничтожныхъ духовъ, на которыхъ либо не обращается никакого вниманія либо—если духъ можетъ еще по временамъ вредить человѣку—ихъ можно умилостивить, бросивъ имъ обкусокъ блина, пирога и т. п., а не то и просто выгнать палкой.

Такимъ образомъ, въ той позднѣйшей формѣ мордовской религіи, отъ которой только и могли дойти до насъ нѣкоторыя свѣдѣнія, мы наблюдаемъ болѣе высокую ступень религіознаго развитія, нежели на какой стоятъ напр. Черемисы. Хотя о языческой Мордвѣ можно сказать, что у нея было великое множество боговъ, однако не будетъ ошибочнымъ и мнѣніе, что боговъ у нея не очень много. Дѣло въ томъ, что все великое множество боговъ успѣло уже превратиться въ божковъ или мелкихъ духовъ, которымъ и молиться не стоитъ. Осталось всего съ дюжину боговъ; да и изъ нихъ успѣлъ выдѣлиться одинъ, неизмѣримо превосходящій другихъ. Это—верховный владыка и творецъ вселенной—*Чамъ-Пасъ*.

Мордва выработала столь высокое представленіе о *Чамъ-Пасъ*, что считаетъ людей недостойными обращаться къ Богу боговъ ни съ какими личными просьбами; Превѣчный *Чамъ-Пасъ*, сотворившій все, не вмѣшивается ни въ дѣла людей, ни въ разъ и на вѣки неизмѣнно установленный имъ порядокъ вещей во вселенной. Единственное об-

ращеніе къ Чамъ-Пасу, допускаемое Мордвою, это смиренное: «Чамъ-Пась, помилуй насъ». Съ этимъ обращеніемъ Мордва относится къ Чамъ-Пасу и въ началъ всѣхъ моленій, обращааемыхъ къ другимъ богамъ. Чамъ-Пасу нѣтъ ни особыхъ праздниковъ, ни жертвоприношеній. Чамъ-Пась не имѣетъ ни начала ни конца своего бытія; онъ духъ невидимый, и притомъ не только для людей, но даже и для ѳзаисовъ (соотвѣтствующихъ нашимъ ангеламъ) и даже всѣхъ боговъ.

Потребность же установленія формальныхъ отношеній къ высшимъ силамъ удовлетворяется у Мордвы моленіями, жертвоприношеніями и празднествами другимъ божествамъ, которыя однако также не равны между собою. Мы можемъ представить себѣ всѣ божества, раздѣленными на 5 категорій или чиновъ. Въ первой—только Чамъ-Пась; во второй также одно божество—богиня *Анге-Патяй*; въ третьей—нѣсколько другихъ, въ четвертой—Шайтанъ (сатана), въ пятой—все остальное множество подчиненныхъ божковъ и духовъ добрыхъ и злыхъ (послѣднихъ, само собою, можно представлять какъ особую группу или въ одной съ Шайтаномъ).

Объ *Анге-Патяй* Мордва также выработала весьма возвышенное и—если можно сказать—изящное понятіе, которому могли бы позавидовать и древніе Греки и др. народы. Анге-Патяй—единственное божество, созданное самимъ Чамъ-Пасомъ и потому чистѣйшее и величайшее послѣ него. Она же есть высочайшее выраженіе жизни, Природы, красоты, и добродѣтели. Ею все живетъ, начиная отъ человѣка и кончая послѣднимъ насѣкомымъ и послѣднею былинкой. Наконецъ, она же—матерьъ всѣхъ боговъ. Не видать однако, произошли ли эти боги такимъ же антропоморфическимъ способомъ, какъ боги древнихъ Грековъ, или болѣе возвышеннымъ, духовнымъ, таинственнымъ процессомъ. Но, кажется, слѣдуетъ допустить скорѣе послѣднее, такъ какъ Анге-Патяй—вѣчно юная, чистая красавица-дѣва и притомъ высокая покровительница цѣломудрія. Послѣ выполнения главнѣйшей цѣли своей, т. е. животворящей дѣятельности, и по связи съ послѣднею Анге-Патяй является *особенною* покровительницею брака и помощницею при родахъ, она—могущественный и любящій охранитель

жизни и здоровья родильницъ и новорожденныхъ. Она часто (даже, такъ сказать, непрерывно) сходитъ на землю, блюдя за жизнью Природы и также *особенно* любить нивы. Самоё Анге-Патяй видѣть нельзя, развѣ только въ видѣ быстролетной тѣни, пролетающей надъ нивами въ ясные лѣтніе дни. Впрочемъ, по временамъ она является во плоти, принимая на себя видъ птицы или видъ престарѣлой, но необыкновенно сильной женщины. Анге-Патяй столь безгранично любить проявленіе жизни въ Природѣ, что въ первое время рѣшила было, чтобы женщины и самки всѣхъ тварей производили дѣтей ежедневно; однако, въ виду жалостныхъ моленій женщинъ и самокъ, предоставила рѣшеніе вопроса на ихъ волю. Почти всѣ отказались отъ слишкомъ частаго плодоношенія; только курица, кукушка, пчела и муравьяха порадовали богиню-матерь своимъ согласіемъ. Но и изъ нихъ половина погрѣшила: кукушка — которая была почтена богинею возведеніемъ въ чинъ домашняго животнаго на ряду съ курицею — скоро утомилась частымъ плодоношеніемъ и нарушила обѣщаніе. Анге-Патяй, не взирая на доброту свою, разгнѣвалась на кукушку; Впрочемъ гнѣвъ милосердой бошни не повлекъ за собою слишкомъ жестокой кары: кукушка была разжалована въ лѣсныхъ птицы и въ посрамленіе лишена присвоеннаго птицамъ священнаго права вить гнѣзда. Съ той поры кукушка не перестаетъ пѣть свои тоскливыя пѣсни по утраченыхъ дняхъ счастья и чести. Второю измѣнницею явилась муравьяха, медовые соты которой не уступали по сладости пчелинымъ. Въ чемъ и какъ было дѣло — обстоятельно неизвѣстно; осталось только смутное преданіе, что одна изъ усерднѣйшихъ матерей міра, самка-муравей, испытала, подобно нашей праматери Евѣ, неодолимую силу соблазна духа тьмы Шайтана, который посовѣтовалъ муравьямъ зарывать соты въ землю (вѣроятно, чтобъ не дѣлиться съ человѣкомъ). Надо думать, что за это ему досталось отъ Анге-Патяй, но заплатились и муравьи: вмѣсто душисто-сладкихъ сотовъ они производятъ съ той поры несъѣдобное «муравьиное масло». Но затѣмъ курица и пчела и до нынѣ свято блюдутъ заповѣданный прекрасною Анге-Патяй совѣтъ — плодить какъ можно больше жизни. За то онѣ и почтены и самою Анге-Патяй и человѣкомъ.

Напр., только изъ воска пчелинаго и можно дѣлать священные *штатолы* (свѣточи) и только изъ пчелинаго меда можно готовить священное *пуфе* (питье). Что касается курицы, то, конечно, она почтена не менѣе пчелы, стоя такъ близко къ человѣку въ качествѣ домашней птицы, причемъ, разумѣтся, можно указать на то, что потомство куръ размножилось какъ песокъ морской; кукушекъ же несравненно меньше. Даже то обстоятельство, что въ торжественнѣйшій христіанскій день христіане, привѣтствуя другъ друга, мѣняются эмблемою новой жизни, яйцомъ, — *курумылз*, Мордва, безъ сомнѣнія, истолковала бы въ томъ смыслѣ, что поступать такъ научила сама Божія Матерь, т. е. Анге-Патяй. Мы сейчасъ употребили союзъ *то есть*, конечно, стоя на точкѣ зрѣнія описываемаго народа. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, до какой степени близко сошлись два понятія; христіанское о пречистой дѣвѣ Маріи и языческое о пречистой дѣвѣ Анге-Патяй. Намъ сдается, что обстоятельство это имѣло могучее вліяніе на легкость усвоенія Мордвою христіанскаго ученія и отсюда на обрусеніе ея. Мордва быстро отождествила Божию Матерь, дѣву Марію съ божьей матерью, дѣвою Анге-Патяй и вмѣсто «матушка Богородица, дѣва Марія», молились: «матушка Богородица Анге-Патяй.» Кстати замѣтимъ, что самое имя *Анге-Патяй* значить *мать богиня*.

Анге-Патяй родила на свѣтъ 8 главныхъ божествъ; изъ нихъ 4—бога и 4—богини.

Вотъ они по старшинству:

I. *Нишки-Пасъ.*

Нишки-Пасъ—богъ неба, Солнца, огня и свѣта. Онъ же покровитель пчель, откуда и его названіе (*нишке*—пчельникъ). По всей вѣроятности, въ давнія времена это божество было просто самое Солнце. Вѣроятность эту мы выводимъ изъ того, что Нишки-Пасъ имѣеть еще другое названіе—*Шиза-Пасъ* или *Ши-Пасъ*, т. е. Солнце, Солнце-богъ. Величается онъ также *Ииче-Пасомз*, т. е. боготъ-сыномъ.

II. *Свѣтъ-Верешки-Веленъ-Пасъ.*

Свѣтъ—очевидно, предикать позднѣйшаго происхожденія. Верешки-Веленъ-Пасъ—богъ-обладатель земли и строитель человѣческихъ обществъ (*Веленъ*, сокращ.

вель—міръ, общество; *Верешки*, сокращ. изъ *верь-нишки*—земной, или собственно лѣсной пчельникъ; *верь*—лѣсь).

III. *Назаромъ-Пасъ*.

Это былъ богъ Луны, но́чи и зимы. Онъ принимаетъ души умершихъ и добрыя отсылаетъ старшему изъ боговъ, брату Нишки Пасу, а злыя предаетъ въ вѣдѣніе Шайтана.

IV. *Волцы-Пасъ*—

высшій богъ всего живаго, кромѣ человѣка. Волцы-Пасъ кромѣ того покровитель охоты и рыболовства.

Богини:

V. Нишкенде-Тевтярь (дѣва Нишки)—богиня судьбы и покровительница человодства.

VI. *Норрбавъ-Анаручи*—богиня земледѣлія.

VII. *Пакъ-Патяй*—богиня - покровительница луговъ и огородовъ.

VIII. *Вѣрѣ-Патяй*—богиня лѣсовъ, дубровъ и деревьевъ. Повидимому, прекрасная Анге-Патяй не обошла и родныхъ своихъ дочерей совѣтомъ плодить жизнь: каждая изъ ея дочерей произвела на свѣтъ по одному божеству. Отъ первой изъ нихъ явился:

IX. *Пуръ-инъ-Пасъ*, значить богъ—сынъ грозы, бури. Онъ же—*Мельказо* (Вѣрги-мучки-Мельказо, т. е. на землю сходящій духъ сына грома).

Отсюда, между прочимъ, наше слово *пурга* и отсюда же, вѣроятно, имя извѣстнаго храбраго мордовскаго князя *Пургаса*.

Отъ второй:

X. *Мастыръ-Пасъ* (переводя на славянскій ладъ—Земле-богъ). Этотъ внукъ великой Анге-Патяй обладаетъ ниспосылаемою ему долею ея силы: онъ дѣлаетъ землю способною къ произрастенію вообще, но особенно хлѣбовъ и овощей.

XI. Внукъ Анге-Патяй, сынъ третьей ея дочери, — богъ водъ—*Ведъ-Пасъ* (Водобогъ) или *Ведъ-Мастыръ-Пасъ*. Ему повинуются моря и рѣки, озера и болота, родники и колодцы.

XII. Четвертый внукъ Анге-Патяй, сынъ четвертой ея дочери (богини лѣсовъ и дубровъ), *Варма-Пасъ*—владыка атмосферы, богъ вѣтровъ.

Необъятно-страстная, божественная любовь пречистой